

Катастрофа. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

Катастрофа. Василий Владимирович Быков

Казак – так звали на улице и во дворе этого лишь бы во что одетого человека, наверно, за его спортивные с ярко-красными лампасами штаны, которые он носил вот уже который год подряд. Он не обижался и не протестовал, потому что свое настоящее имя, похоже, он и сам забыл. Жизнь его была такая, что из памяти стерлось не только собственное имя, но и, можно сказать, вся незавидная биография. А тут еще он заболел и несколько дней пролежал в горячке. Хорошо еще что нашлось, где лежать – в темном уголке подвала под отопительной трубой. Думал, отдаст концы, так было плохо. Сегодня под утро приснился уж очень плохой сон – какое-то болото, змеи или чудовища, от которых он не мог освободиться. Конечно же, такой сон не обещал днем ничего хорошего, и Казак с отвратительным настроением выполз на холодный зимний двор.

Двор этого огромного, вдоль всей улицы вытянувшегося здания, которое называли «Брестская крепость» за его красный цвет, был Казаку хорошо знаком. Здесь он обитал целый год. Во всяком случае, каждую зиму, потому что летом, бывало, отлучался в пригороды ближе к дачам и «витаминам». Зимой же там было просто и спокійно, но холодно и голодно. Поэтому городские бомжи перебирались зимой ближе к чердакам и подвалам, а главное – поближе к металлическим ящикам, установленным во дворах. Эти ящики кормили и одевали, и возле них каждый день крутились бомжи не только «Брестской крепости».

Всего здесь было двенадцать ящиков – ржавых, часто горевших, измятых, кривых, стоявших в ряд вдоль всего этого бесконечного двора. Днем они чем-то наполнялись (лишь бы чем), что-то вкусное там попадалось совсем редко, особенно в это голодное время. Но все же... Если рано утром поковырять палкой в их бумажно-целлофановых недрах, то можно было вытащить черствый кусок батона, подгнившую картофелину или банку с остатками консервов. А в зеленом ящике у шестого подъезда иногда попадался и хвост селедки или даже остатки недоеденной колбасы. В этом подъезде жил богатый банкир, и у него все лето делали евроремонт: соединяли три квартиры в одну, и ремонтники, судя по всему, питались неплохо. Плохо только, что об этом ящике знал здесь не один Казак, который сейчас шел именно туда.

После болезни он чувствовал слабость, пошатывался; туфли без шнурков, обутые на босые ноги, скользили по обледеневшему асфальту. Во дворе было еще темновато, неяркий свет отражался только от окон верхних этажей дома. А в некоторых окнах нижних этажей были видны верхушки новогодних елок – голые или с красной звездой, некоторые хозяева спешили порадовать детвору. Когда-то и он ставил елку, когда у него были дети и была семья... В центре двора горел единственный фонарь на тонкой качающейся мачте; казалось, что вместе с ним качается и все вокруг. Но зимой – не то что летом, зимой и без света видно издалека. Еще не доковыляв до шестого подъезда, Казак увидел, что у ящика кто-то крутится. И даже фонариком светит. Но кто это мог быть?

Предчувствуя неудачу, он подошел ближе. Человек поднял голову и выключил свой чуть светившийся фонарик. Конечно же, это была Жердина, их дворовая бомжиха, его соперница и конкурентка, которая никогда и нигде своего не упускала. Там, где уже побывала Жердина, ничего не найдешь, – это Казак хорошо знал.

– Чего ты? Так рано? – с неприкрытым недовольством проговорила она и, не дождавись ответа, добавила: – А говорили, подох. Не было тебя видно.

– Да вот, не подох, – скупно сказал он. Разговаривать с ней желания не было.

– Болел?

– Болел...

Он заглянул в ящик, заполненный наполовину всякими отбросами. Жердина все еще копалась в нем палкой с гвоздем на конце, подсвечивая себе фонариком. Но, видимо, ничего подходящего там уже не было.

– Пусто, – сказала женщина и выключила фонарик. На земле у ее ног стояла черная сумка, в которую она, конечно же, уже что-то засунула. – В тех тоже ничего нет. Смотрела. На вот, – вдруг она сунула ему в руку высохший кусок хлеба. – Размочишь, сожрешь...

катастрофа. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
И Жердина пошла дальше, с сумкой в одной руке и с палкой в другой. Она торопилась. Пока другие спят, надо успеть поискать не только в этом дворе. «Всю улицу обойдет», – без злости думал Казак, стоя с куском хлеба в руке. Теперь, наверно, надо было вернуться в подвал, где, он знал, в одном месте сочилась из трубы теплая вода, там же была и пустая консервная банка. И тут он увидел возле ящика бутылки, которые не заметила Жердина. Шесть штук, ровненько составленных за ящиком, все от водки «Кристалл». Они явились как подарок ему, больному и голодному. Это были живые деньги – на батон, на кусок ливерной, если повезет... А может, и на бутылочку, скажем, на чекушку. Вот повезло, – приободрился душой Казак. Засунув руку в мусор, нашел там какой-то липкий пустой пакет и сложил в него свое неожиданное приобретение.

На дворе становилось светлее, но до того, как откроется «Пункт приема стеклотары», еще надо было ждать. И он, чтобы не терять зря время, пошел к другим ящикам. Надежды что-то найти особой не было, но все-таки... В соседнем и в следующем за ним он ничего не нашел, зато в третьем под смятой грязной газетой лежала бутылка от кефира, и он с радостью достал ее. Бутылка была немытая, с немного отбитым стеклом на горлышке, но, может, удастся ее сдать. Приемщика из этой стеклотары он немного знал, хоть тот и не всегда шел ему навстречу. Может, если попросить... Вообще у него было много знакомых приемщиков, продавщиц, уборщиц и грузчиков, но это не всегда шло на пользу. Некоторые так относились к нему, что лучше бы вообще не знать их. Впрочем, как и многих других жителей этого большого дома. Он сам мало кого помнил и знал, но его знали дворничихи – самое ненавистное племя. Они даже милицию напускали на него. А за что? Что он кому сделал плохого? Последнее лето он даже не заходил в подъезды, тайно ночевал в подвале, куда заползал в полночь и старался как можно раньше выйти оттуда. Не заходил и в магазины – не было с чем зайти. Он был бездомный, бесквартирный, – самый настоящий бомж. Только разве что человек, который хотел есть. А иногда – и выпить...

Бутылку от кефира надо было вымыть, и он пошел к ступенькам в подвал. Войти туда нужно было незаметно, потому что уже светало и его могли заметить дворничихи. Одна уже скребла лопатой возле третьего подъезда. Это была самая старательная, но и самая злая. Другие, возможно, еще спали, они придут к своим подъездам, когда труженики-жильцы отправятся на работу. Нагибаясь, чтобы его не заметили, Казак подошел к обитым жестью дверям, и тут к нему подбежала Тюня, дворовая сучечка, еще с прошлой весны дружившая с ним. Была она маленькая и серенькая, как мышка, с черненькими внимательными глазками, взглядом которых высказывала все: и просьбу, и благодарность, и восторг. Казак бережно отломил ей кусочек хлеба – на, ешь, а сам снял с пробоя незамкнутый ржавый замок и проник в темноту подвала. Он знал, куда идти, но чтобы не рисковать деликатною ношей, оставил пакет у дверей и с молочной бутылкой начал наощупь пробираться в угол, где была та труба, из которой капала вода.

Конечно, в темноте трудно было отмыть эту бутылку, он долго тряс ее и тер пальцами вокруг горлышка. Теперь он думал только об одном: сколько он получит? Цены ведь все время растут, может, и бутылки стали дороже? Это было очень важно, потому что у него уже созрел гениальный замысел, который, похоже, было легко осуществить. Но додумать его до конца он пока еще не решался: все было заманчиво, но неопределенно. Вымыв бутылку, он так же ощупью протиснулся мимо тепло стояка в другой угол и там, согнувшись, выцарапал ногтем из щели в бетонной стене сложенную несколько раз бумажку. Это была его записка, денежная купюра, которую он берег еще с осени. Если к ней добавить вырученное за бутылки... Тогда уже можно порассуждать серьезно.

Когда он вылез из подвала, Тюня сидела на ступеньках – ждала. Хлеб она, конечно же, съела и снова умоляющим взглядом смотрела на него. Но это уже было нахальством: он сам хотел есть, но пока не позволял себе. У него были куда более серьезные намерения.

Уже совсем стало светло, и можно было идти к «Пункту приема стеклотары», занимать очередь. Без очереди там не пролезешь, люди злые, без похмелья с утра никого не пропустят к прилавку, не обращая внимания на то, знакомый ты или нет. На той неделе не пропустили и героя, хотя на стене давно висит объявление, что герои совсоюза и соцтруда обслуживаются без очереди. Тому тогда сказали: откуда видно, что ты герой? Мало ли что каждый может выдумать, а ты предъяви документы. Тот послушал и плюнул, после обеда, рассказывали, прислал жену бутылки сдавать. Но после обеда у приемщика уже закончились деньги. Вот такие теперь порядки...

Хорошо еще, что он, Казак, – не герой, не делец, не номенклатурщик, поэтому и обиды у него небольшие. Как и радости. И удачи. Чтобы вот только хватило на одну

бутылочку...

Пока Казаку везло. Правда, пункт был еще закрыт, но очередь у дверей собралась небольшая – человек десять. Большинство из них стояли молча, слушая, как две бабы потихоньку рассказывали друг дружке о своих мужиках: и пьют, и бьют, и за детьми не смотрят, и еще много чего. Казак не любил эти разговоры, сам мог кое-что рассказать о таких вот бабах. Хотя бы о своей жене, которая выжила его из квартиры да еще под суд подвела... Он в это время с интересом слушал радио. Через закрытые двери был слышен голос, сообщающий о землетрясении где-то на Востоке, о гибели людей, о потерях в сотни миллионов долларов. Это была катастрофа, и люди в очереди притихли от этой новости, даже вроде бы подобрели.

Казаку посчастливилось и закурить, может, впервые за последние недели. Стоявший рядом молодой парень, еще пьяноватый, видимо, после вчерашнего, с большим чубом волос и громким голосом кого-то очень напоминал, а кого – Казак не мог припомнить, сколько ни всматривался в него. Парень заметил это.

– Дед, чего присматриваешься? Или поставить хочешь? Не откажусь...

– Да нет... Так...

– За так ничего не дают. Только побить могут, понял? На, закури...

И парень закурил сам и протянул ему вонючую «Приму», от которой Казак уже почти отвык за то время, что болел...

Но вот открылись железные двери. Приемщик – грузин или армянин – работал живо, из корзины у баб выкинул несколько темных бутылок от импортных напитков: таких не принимаем. И Казак порадовался, что у него все беленькие, отечественные. Но и ему пришла очередь расстроиться. Молочную приемщик решительно отодвинул в сторону: отбито рыльце. Казак огорчился: столько мыл, старался... Но шесть остальных прошли без упреков, он получил неплохие деньги и, зажав их в кулаке, вышел из приемного пункта.

– Тюня, ах ты!

Сучечка все время ждала его, пока он сдавал бутылки. Но он знал, что к людям она никогда не приближалась, люди нередко обижали ее, думали, что она больная. Известно, кому приятен любой больной – человек или собака? Но Тюня не больная, просто облезлая немного, зато она умная и может посочувствовать. Казак любил ее. Было бы только чем кормить...

Сначала по двору, потом через улицу он направился к «Гастроному». И тут вдруг вспомнил того знакомого – Солодуху! На Солодуху, вот на кого похож парень, который дал ему закурить, и голосом, и всей фигурой... Конечно, это не Солодуха, тот навряд ли живой... Но тогда он был точно таким же, с большим чубом волос, не комсостав, конечно, был мобилизован, как и Казак. Тогда Казак не был никаким ни казаком, ни кавалеристом даже, только ездовым артбатареи. А когда их взяли в плен, стал просто военнопленный, гефтлинг, если по-немецки. И бывает же такое, никогда не подумал бы, что два разных человека могут быть так похожи... А тогда... Привезли им, голодным, неделю ничего не евшим, какую-то бурду в полевой кухне, построили всех в очередь, а наливать нет во что. Ни у кого ничего нет. Хочешь есть – хоть пригоршни подставляй. Некоторые так и сделали. Кроме этого подставляли каски, полы палаток, даже края гимнастерки; бурда та выливается, не успеешь донести – нет ничего. Тогда этот чубатый снимает с ноги ботинок, подставляет – наливай. Сразу вобрал в себя налитое – что там, один черпак, потом дал ему: держи, земляк, я подожду. И он попользовался тем ботинком, потому что у самого были сапоги. Тогда они и познакомились. И в самом деле оказались земляками. Солодуха был из Лепельщины. А проблему посуды решили просто: поменялись. Он отдал Солодухе свой сапог с одной ноги, а взял себе этот ботинок. Видимо, оба выглядели не очень, да кто там смотрел на это. Лишь бы выжить... Вообще Солодуха был хорошим другом, только что стало с ним? Такие долго не живут...

Занятый воспоминаниями и собственной заботой, Казак шел в «Гастроном». Сзади, не отставая, бежала послушная Тюня. Бутылочка, конечно, вещь соблазнительная, только употребить ее надо было достойно. И тут возникла проблема. Не будет же он пить один. Да и много ему не надо, уже не те возможности, как когда-то. Теперь можно взять ну граммов сто или сто пятьдесят, если с закуской. Раньше, бывало, мог больше. Как на этот вопрос отвечал его друг Головкин: а сколько

Катастрофа. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru дадут, столько и выпью. Но Головкина уже нет, а он еще коптит землю – зачем только? Да вот еще Тюня, она должна помнить Головкина, он тоже опекал ее. Однажды даже напоил ее – вот было смеху!.. А может, пригласить Жердину, у нее будет чем закусить и вообще.. Если подумать, то женщина она неплохая, сочувственная даже. Правда, пока трезвая. А когда выпьет, ругается, как портовый грузчик. Но не злая, быстро отходит. Наверно, так и надо сделать – вдвоем с Жердиной встретить Новый год. Какой? Говорят, вроде бы двухтысячный. Впрочем, Казаку все равно, какой.

– Тюня, не ходи! – строго сказал он сучке, когда они подошли к магазину.

И она поняла, сразу же опустилась задком на утопанный перед ступеньками снег, уставившись на Казака преданным взглядом. Она уже знала: надо ждать.

В гастрономе было тепло и уютно, не то что в церкви, куда Казак иногда заходил погреться. Отсюда, казалось, он бы никогда и не уходил. Но где там – здесь его тоже знали, и толстая уборщица в синем халате сразу насторожилась, увидав его. Но далеко в магазин он не пошел, его интересовал только первый отдел. Сначала надо было узнать цену. За время, пока он сюда не заходил, цены, конечно же, поднялись, и сколько теперь стоит бутылка, было неизвестно. Раньше вот были четвертинки, и трудовому человеку было очень удобно. Но сейчас их нет, вывели. Бери поллитра. А если денег не хватает? Не идти же в ресторан покупать стопочку: кто его пустит туда в такой одежде?

Так то и случилось, чего он боялся: водка подорожала! Людей у прилавка было немного, все быстро отоваривались и выбегали на улицу. А он стал в сторонку и начал подсчет своей наличности. Того, что он достал из записочки, да вместе с бутылочными на поллитра не хватало. Нехватало совсем немного, но разве та выдра за решеткой даст? Он знал, что она за рубль удушит, особенно такого, как он, хотя у нее тех «зайчиков» вон сколько, целая коробка под прилавком. В кассе не умещаются.

А он так надеялся... Что же делать?

К прилавку за железной решеткой подходили и отбегали люди, в основном мужчины. Все торопливо брали бутылку или две и, засунув их в карманы или в сумки, выходили на улицу. Казак думал, что кто-нибудь, как когда-то, предложит ему «на троих». Но никто и не собирался делать это, многие даже не смотрели на него. В окно было видно, как к магазину подъехала черная иномарка, из которой вышел стройный молодой мужчина, без шапки, с белым шарфиком на шее. Он тоже торопливо купил две бутылки «Кристалла» и еще какую-то бутылку красноватого питья. Все это он аккуратно составил в плоский чемоданчик. И когда замкнул его, встретился взглядом с Казаком.

– А, это вы? Привет...

Казак молча смотрел в красивое молодое лицо с подстриженными усиками, старался узнать, кто это, но не узнавал.

– Помню, помню, – продолжал мужчина, – как дуб на даче сажали. Хорошо посадили, вымахал выше крыши. Легкая рука, значит. А что стоите? А, не хватает, ясно... Сколько?

Казак все молчал, а мужчина неожиданно достал кошелек, кожаный, с блестящей металлической застежкой.

– Сотни хватит? Нет? Бери две. Выпить же надо... Под Новый год...

– Спасибо вам...

– На здоровье. Дуб вымахал выше крыши, так что... На здоровье! – мужчина улыбнулся, повернулся и заспешил к своей иномарке. Казак подошел к решетке амбразуры прилавка, сунул туда ровно на бутылку и гордо застыл. Давно он не ощущал такую уверенность. Уколов его недобрым взглядом, продавщица пересчитала «зайчики» и поставила перед ним бутылку. Через ее стекло сияла кристальная чистота водки, отражая все огни вокруг. Он бережно охватил бутылку, не зная, куда ее засунуть – карманы в его ватнике были маленькие... С бутылкой в руке он вышел на крыльцо и сделал шаг на ступеньку.

Катастрофа. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Как раз в этот момент его встретил радостный взгляд Тюни, которая вскочила и бросилась ему навстречу. А он, поскользнувшись на ступеньке, больно ударился спиной о каменное ребро.

– Ох!

– Вот тебе и ох! – сказал кто-то сзади. – Меньше пить надо...

Превозмогая острую боль в спине, Казак сел ровнее, поднял с земли шапку. Рядом валялась разбитая бутылка, от которой уцелело только одно рыльце, запечатанное белым колпачком. Приятно пахнувший ручеек бежал по ступенькам на утоптаный снег. Тюня понюхала жидкость, брезгливо фыркнула и устала на хозяина: чего-то она не понимала. Да и он понимал не больше, слезы обиды потекли по его обросшему густой сединой лицу.

Это была катастрофа – огромная, на весь белый свет. А виноват только он сам. Поэтому было так обидно, как никогда в жизни.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!